

— ...Не могу поверить, что такое дерьмо случилось.

— Хех, а я догадывалась, что нечто подобное произойдет в ближайшем будущем.

Дженни Блейз и Флора Томпсон. Две разные, но столь похожие по судьбе девушки, что оказались жертвой истории. Если раньше они были супергероями... Пускай и не идеальными, нередко перегибавшими с силой. Но они боролись за справедливость. За лучший мир для всех.

А в итоге... лишились сил и теперь занимаются благотворительностью, работая на Красный Крест. Но даже это не сравнится с тем, что произошло сейчас...

Девушки восприняли новость по-разному. Если стойкая и оптимистичная Блейз ехидно хмыкнула и залпом осушила стакан с водой, то меланхоличная Томпсон поникла, тяжело вздохнула и вцепилась пальцами в светлые волосы.

— Мне безумно интересно, как наш фанатичный старикан отреагировал на это? — Джейн немного подалась вперед, положив руки на стойку бара. Стоящая напротив неё девушка, что до этого непринужденно натирала пивные кружки до блеска, сейчас уставилась в экран телевизора, широко разинув рот.

— ...Не знаю.

— Готова поспорить, что он сейчас рвет и мечет, — Блейз мрачно улыбнулась. — Старый добрый генерал Росс еще проявит себя — в этом я уверена. Может, соберет новую команду.

Никто не заметил, как в помещение пивного бара вошла необычная парочка. Мужчина и женщина, которым от силы можно было дать двадцать пять лет. Молодые, красивые, словом, очень привлекательные. Но что самое странное — абсолютно идентичные. Цвет волос, глаз, черты и пропорции лица, рост, кожа — все одинаковое. Единственное отличное — характерные женские и мужские признаки.

Брат и сестра.

Но при этом темноволосая двоица держалась слишком близко друг другу, чтобы быть всего лишь родственниками. И когда парочка под села к Томпсон и Блейз, последняя заметила их сразу. Особенно обратила внимание на то, как они поцеловались. Это был совсем не братско-сестринский поцелуй...

«Фу... Бля... Инцестники... Какая мерзость», — несмотря на внутреннее отвращение, Джейн сохранила лицо и просто отвернулась в сторону, соблюдая правила приличия.

— Мисс Томпсон, мисс Блейз, — заговорила девушка с зелеными глазами, привлекая к себе внимание двоицы бывших супергероинь, — Как мне приятно видеть вас целыми и невредимыми.

— Эм, простите, мы знакомы? — Джейн нахмурилась. — Я вас точно не знаю.

— Разумеется, вы нас не знаете, но мы с братом за вами давно наблюдаем...

«Чертовы сталкеры-инцестники», — пронеслось в голове Блейз.

— Ага... — безразлично протянула Флора.

— Сестра, позволь мне, — улыбнулся брат. — Сперва я хочу вам кое-что показать.

И в то же самое мгновение мир Блейз и Томпсон изменился навсегда. Сквозь пространство и время, оказавшись в месте, что находилось за пределами их понимания, они предстали перед двумя фигурами, чьи тела сотканы из звездного полотна...

\*\*\*

## Неизвестное место

В полутьме кабинета сидел тронутый годами человек в военной форме высшего офицера. Несмотря на полностью седые волосы, сказать, что он был слаб или дрябл, никак нельзя было. Даже сквозь строгий зеленоватый пиджак можно было заметить мощную мускулатуру и прямую осанку, которые делали его примером хорошей физической формы и гордого офицера. Сейчас обычно твердый взгляд мужчины устремился в никуда: он погрузился в глубокие раздумья.

Дисциплина и контроль.

Таков всегда был девиз Тадеуша Росса. Он же Гром, Громовержец, Рекс, хотя эти прозвища, которые ему дали старые сослуживцы, уже давно и прочно всеми были забыты. Ибо появилось новое, куда более запоминающееся — Красный Халк.

Изначально его невероятно бесило то, что его постоянно сравнивали с его злейшим врагом. Ведь она же сущий дьявол, как и почти все современные бабы (кроме его дорогой доченьки, естественно)!

Ага, как же. Он до сих пор чувствовал огромный груз вины за многие из своих действий. Как связанные с Беннер, так и не имеющие к ней никакого отношения. И этот груз не становился легче, насколько бы сильнее не становился Росс. Даже если он теперь может ударом кулака уничтожить гору, то это не значит, что все грехи были отпущены. Словно в насмешку, судьба, или ещё кто, сделала его похожим на монстра из глубин Ада во время его «красного режима».

Однако это не означало, что, если бы ему предоставили шанс изменить свою историю, он бы сомневался хотя бы мгновение. Росс точно знал, что иногда необходимо сделать поистине ужасные вещи, чтобы невинные гражданские могли спать спокойно.

Он твёрдо верил в свою родину и высшую справедливость.

До сегодняшнего дня.

Будучи довольно высокопоставленным человеком, Росс знал о существовании теневого правительства США. Но он никогда не стремился покопаться в чужих грязных тайнах. Своих хватало.

Но то, что он увидел, поразило до глубины души старого вояку.

Эти ублюдки... Они совсем кукухой поехали?

Как вообще можно было додуматься взрастить настолько двинутую машину смерти, по мощи сравнимую с Гиперионом, а то и Икарисом, сильнейшим Вечным? Даже он, работая с Мерзостью и Лидером, имел парочку запасных планов на всякий случай. Сверхточный ракетный залп с тепловым наведением на цель гарантировал бы кончину этих тварей.

Но не Патриота. Этот псих был силён как Супермен из комиксов!

Надо сказать, что у Тадеуша в жизни было множество периодов, подаривших ему бесценный опыт, вроде призыва в армию, женитьбы и рождения дочери. Всё это, несомненно, было очень важно для него. Он помнил то опьяняющее счастье, когда наконец поцеловал свою невесту в прекрасном белом платье, помнил слёзы радости, которые лил, держа в руках маленький плачущий комочек, в то же время рыдая из-за смерти любимой.

Тогда-то он и принял самое главное, по его мнению, решение. Посвятить жизнь своей стране. Дядя Сэм, конечно, не идеален (достаточно вспомнить Хиросиму и Нагасаки), но для того он и вступил в ряды армии — сделать её лучше. Изменить изнутри. Ну, и обеспечить семью заодно, ибо военное дело было единственным, в чем он прекрасно разбирался. А жениться заново... Нет уж, он был однолюбом по своей натуре. Так его воспитали родители, выросшие, как и он сам, в совершенно другом мире, в других условиях, когда количество мужчин и женщин было примерно равно.

Поэтому он согласился курировать тот злополучный проект с Беннер. Поэтому он охотился за ней, как сумасшедший, и даже пошёл на государственную измену, объединившись с Мерзостью и Лидером. Потому что угроза Родине вынудила его так поступить. Цель оправдывала средства.

Однако от тех зверств, что творили эти больные стариканы, даже его передёрнуло. С такими ресурсами они могли бы прекратить все войны в мире, побороть голод, болезни. Да, это заняло бы время, да, это было бы очень затратно, но действительно! Он видел лишь одну причину, почему «тени» этого не делали. Это невыгодно. Они наживаются на конфликтах, на смертях мирных граждан, мировых кризисах и других катастрофах и бедствиях — это огромные деньги. Нахера им столько? А поди их спроси. Все попрятались по своим норам.

Однако долой пустые размышления! Они ни к чему не приведут. Росс был человек действия. Он пообещал себе обязательно узнать всю подоплёку ситуации и наказать виновных последних ужасающих событий, отомстить за своих девочек, что лишились сил.

В полутьме грозно сверкнули два его жгуче-жёлтых глаза, не предвещающие ничего хорошего тем, на кого будет охотиться их обладатель.

\*\*\*

После оглашения столь чудовищной информации Дум залегла на дно. Хотя это очень грубое выражение: на самом деле она просто вернулась в Латверию и погрузилась в государственную работу. Несколько тысяч беженцев с Дженоши требовали к себе особенного внимания. Их надо было накормить, обеспечить одеждой, работой, жильем. Если первые пункты казались вполне осуществимыми, так как промышленность маленькой страны могла снабдить несчастных мутантов всеми необходимыми вещами, то последнее... Придется беженцам подождать, пока бригады роботов возведут новые строения. А они это делают очень быстро. Целый квартал с достойным жильем и всеми коммуникациями за несколько дней.

Впрочем, её ждал «приятный» сюрприз. Кто бы мог подумать, что оставшиеся вампиры решат поговорить с ней. С владычицей Латверии, что убила самого Дракулу по версии мира. И никто иные, а самые влиятельные семьи Восточной Европы, объединившиеся с единственной дочерью покойного лорда вампиров — Яной Цепеш.

Виктория обладала широкой сетью шпионов в Европе. Ей было вполне известно, в каком печальном состоянии находилось общество вампиров. После того, как Амон и Кейн сразили бессмертного кровососа, дети Кхтона лишились власти. Как часто бывает, старые влиятельные

семьи вспомнили давние обиды и начали выяснять, кто должен занять вакантное местечко. Яна теоретически могла взять бразды правления, но Дракула никогда не называл её своей законной преемницей. Насколько знала Дум, Владислав относился к ней как к малому, наивному дитю. Поэтому Виктория сильно удивилась тому, что семьи Восточной Европы решили поддержать девушку. Она оказалась не такой простофилей, какой казалась с первого взгляда.

Выслушав посланника, что предстал перед ней в образе летучей мыши, Виктория согласилась принять древних графов и графинь. Если раньше она предпочла бы позвать «Альбея» в качестве поддержки на переговорах, то сейчас она была уверена в собственных силах.

В назначенное время и час, когда солнце уже опустилось за горизонт, десять фигур появились в гостиной Дум. Теперь настала очередь обитателей ночи удивляться. Самое первое, что они заметили — Виктория была абсолютно одна. Она сидела на мягком диване из черной кожи и попивала из хрустального бокала ярко-алое вино. Рядом с ней, на тумбочке, стоял позолоченный граммофон, что сейчас проигрывал пластинку «Полет Валькирии».

Второе — Виктория предстала перед вампирами в пышном кружевном зеленом платье, выгодно подчеркивающим её красивую фигуру. На лице девушки застыло самодовольное выражение. Пухловатые губы примкнули к краю бокала. Голова немного приподнята вверх, голая шея обнажена на зло вампирам.

И третье, самое важное — вампиры не увидели на шее девушки черный медальон с белым черепом. Талисман Ван Хельсинга, так его называли, был одним из самых сильных антивампирских артефактов. Любой, кто его носил, становился неуязвимым для детей Кхтона. Если они попытаются хотя бы дотронуться до носителя этой штуки, их ждет мгновенная дезинтеграция. Даже покойный Дракула боялся этого предмета, но если Дум не надела эту вещь...

— Рада приветствовать вас в своем скромном поместье, достопочтенные дамы и господа, — Виктория торжественно подняла полунаполненный бокал, чтобы затем снова поднести его к губам и сделать несколько медленных глотков, всем своим видом показывая, как она наслаждается вкусом. — Какая жалость, что вы не в состоянии познать полноту этого драгоценного напитка.

Дум не упустила возможности напомнить гостям об одном из самых главных минусов жизни вампира. Пускай нормальная человеческая еда для них не ядовита, но она не несет никакой пользы... Скорее, даже может навредить слабым детям ночи. Из-за проклятья организма они не способны ощутить вкус даже этого напитка. Для них он будет сродни обычной газированной воде. А навредит тем, что пробудит жажду крови, отчего молодые вампиры, что недавно были людьми, сильно страдают.

— Дум... — протянула сквозь сжатые зубы стоящая впереди девушка, обнажив острые вампирские клыки. Это была никто иная, как Яна Цепеш. На ней был строгий белый деловой костюм, а под ним — черная рубашка и белый галстук. — Сперва ты отняла у меня отца, а теперь еще издеваешься надо мной. Имей совесть, зазнавшаяся сука.

— Ох, какие грубые слова от столь приятной на вид девушки, — Виктория поставила бокал с вином на поднос и поднялась с дивана. — Немудрено, что твой покойный отец относился к тебе так.

Среди вампирских лордов и вельмож прокатился недовольный ропот. Разодетые в строгие

костюмы, при полном параде, с драгоценными кольцами, золотыми украшениями, они выглядели как пережитки давно минувшей эпохи. Все, кроме одной.

На вид эта вампирша очень походила на остальных присутствующих здесь: пышное, розовых оттенков платье до пола, которое на первый взгляд не особо отличалось от одежды викторианской эпохи; шляпка с длинными полями, чуть сдвинутая набок; пронзительно-белые перчаточки на руках, словно бы светящиеся сами по себе; бледное личико с яркими румянами из-за тонны слоёв пудры, на которые явно нужно было потратить некоторое число специальных кремов; прочие черты аристократичного вампира из древнего общества вроде аккуратно раскрашенных алым губ тоже бросались в глаза.

Что можно было заметить (если знать, на что смотреть) — это то, что платье было выполнено в особом стиле, который позволял носительнице платья обходиться без жесткого корсета. Поэтому конструкция одеяния позволяла девушке свободно двигаться или за несколько движений отстегнуть юбку, чтобы драться не сдерживаясь. Однако, радужной расцветки ноготки на её руках, ставшие видимыми после того, как она таки стянула перчатку, явно были сделаны не по классическим правилам маникюра. Алый цвет волос тоже только дополнял образ, на который повлияла современная мода.

Стоя позади Цепеш, окружённая сородичами со всех сторон, в начале она явно не пыталась привлечь к себе внимания, сливаясь с толпой, но всего нескольких слов Дум хватило, чтобы она сместилась, всего за миг оказавшись сбоку от правительницы.

Яна немного изменила выражение лица, чуть прищулив глаза и уставившись на Викторию куда пристальнее.

— О, а вот и маленькая Аня решила выйти из тени, — Виктория приложила ладонь к груди, умиляясь реакции двух вампирш. — Неужели и ты решила почтить память покойного господина? Хочешь, я подарю тебе специальный бокал, сделанный из праха Владислава? Он придает очень изысканный и крепкий вкус любому напитку. Может, тогда ты поймешь, что такое настоящая еда.

—...очень смешно, Дум, — последнее слово прозвучало как нечто среднее между плевком и рычанием. — Ты серьёзно думаешь, что троллить вампира тем, что он не может испытать тех удовольствий, которые могут получать хомосапы вроде тебя — это показатель превосходства и доминации, а не самоунижение?..

Кажется, не стоило никаких усилий заставить эту вампиршу поменять свою позицию: её лицо, до того нейтрально-недовольное, тут же исказилось в искренней злобе, которая, тем не менее, сделала её личико только милее и красивее. Тонкие брови свелись к переносице за секунду, а уголки губ чуть-чуть ушли вниз — в сочетании с сужающимися, наливающимися кровавым и золотым светом глазами, это была уже не невинная милашка, а злобная фурия.

Кажется, остальные вампиры от происходящего стали вести себя ещё тише, но ни у кого не было на лице ни одного признака того, что кто-то недоволен эмоциональностью Анны.

Стоит отметить, что в вампирском обществе, в котором умение держать лицо находится в списке исключительно естественных для любого вампира и абсолютно необходимых для того, чтобы тебя считали хоть сколь-нибудь значимым, есть всего несколько вещей, которые могут компенсировать отсутствие этого навыка...

— Вот за это я тебя и люблю, — Дум улыбнулась еще шире и слегка наклонилась в сторону маленькой вампирши, которая уже бурлила злобной темно-красной аурой. Одновременно с

этим она буквально упивалась тем, как дочь Цепеша сдерживает себя из последних сил, чтобы не наброситься на неё. — Тебя так легко вывести из себя. Ха-ха-ха.

— Меня не надо любить или не любить, моё существование надо принять и примириться с ним, — глаза Анны, золотисто-жёлтый и багрово-красный, встретились со взглядом Дум. — Тем более, если речь о ком-то вроде-

— Анна! — вперёд шагнул седой, с идеально ровной осанкой мужчина во фраке. — Я не хочу прерывать тебя, но...

— Себас! — на лице вампирши быстро сменились разные эмоции. — Ты ведь?..

— Верно, — он кивнул сначала ей, потом Яне, вызывая тень в глазах последней, и затем чуть заметно поприветствовал Викторину. — Вы ведь уже имеете мысли о том, что мы хотели обсудить?

Так же быстро, как её охватил азарт, Виктория вернулась к своему обычному, очень серьёзному состоянию. Если секундой ранее на её лице была улыбка, то сейчас она сменила маску и абсолютно серьёзно посмотрела на седого вампира.

— Предполагаю, что вам интересна судьба ваших родичей, что были в Трансильвании на момент смерти Дракулы. Может быть, вам интересны некоторые реликвии, что хранились в личной коллекции Цепеша. И... — взгляд Дум плавно опустился на Яну, — Право на наследие вампирского трона. Я ничего не упустила?

Тихо вздохнув, наследница вампиров наконец прервала своё молчание:

— Верно, Дум, — сказала Яна.

Её выражение лица не имело ничего общего с немного напуганным, но решительным Себасом или с абсолютно злой Анной. Это было лицо серьёзного, делового человека, который был готов идти на всё ради достижения своих целей.

— Стоит ли нам ожидать подвоха? — Анна снова вмешалась в разговор и снова переглянулась с Цепеш.

Кажется, у них сформировалось нечто вроде команды.

— Подвох? Хм... — Виктория сделала несколько шагов по направлению к разожженному камину. Скрестив руки на груди, владычица Латверии с холодным взглядом посмотрела на буйство огня. — Все зависит только от вас. Если прямо сейчас вы решите уйти, то я не стану вас задерживать. Но если вы захотите остаться и узнать правду, то тогда все будет зависеть от вас. Но в любом случае — можете не волноваться за ваши жизни, — Дум обернулась к вампирам. — Убивать вас не стану. А я свои слова на ветер не бросаю.

— А если мы узнаем правду, — Яна снова ответила взглядом на взгляд, — чем это нам грозит?

Взгляд Дум сфокусировался на огне.

— Видимо, какими-то злыми тайнами аля Фонд, — Анна снова позволила себе вставить ремарку, за которую иному оторвали бы голову, — иначе она не говорила бы половину фразы в начале без дополнительных условий. Я правильно понимаю?

— Я сказала все, что вам требуется знать для принятия решения, — Дум окинула холодным взглядом всех своих гостей. — Выбор ваш, дамы и господа.

Большая часть вампиров переглянулась, кое-где раздались шепотки. Тем не менее вампиры довольно быстро пришли к единогласному решению.

— Видимо, мы действительно должны подписать контракт с дьяволом — ради нас самих же, — Яна, закончив краткие перекидывания взглядами с Анной, снова взглянула на Дум. — Если, конечно, Мисс Завышенная Самооценка не будет против такого прозвища.

— Мари будет рада, — Анна закатила глазки. — Таки что, скрепляем тайны кровью или пера с чернилами будет достаточно?

Было заметно, как изменилась манера речи Цепеш, когда она приняла решение последовать в кроличью нору: ярость потухла, сменилась чем-то неопределённым, а появившиеся шутки были натужными и неестественными. Похоже, ей самой было непросто согласиться играть по чужим правилам, и подобные действия её лидера вызвали у неё странные эмоции — нечто сходное с тем, что, вероятно, чувствовала и сама Яна, когда даже не попробовала вытянуть больше информации из собеседницы, прежде чем так быстро решиться на её предложение...

Дум пропустила мимо себя эти детские потуги тронуть её чувство собственного достоинства. За всю жизнь она успела наслушаться куда более грубых и едких слов в свой адрес. А это... Жалкий пшик.

— Никакого пера, никаких чернил, — Виктория качнула головой. — Только мои слова. Если вас это устраивает, прошу следовать за мной.

—...Веди.

Кивнув, Яна шагнула вперёд, немного напрягаясь; Анна, чуть посторонившись и пропуская наследницу, чему-то кивнула и шагнула следом. Себас был третьим. Остальные, помявшись, последовали уже за ними...

И Дум повела своих гостей по длинным коридорам семейного поместья, пока компания не оказалась возле двери лифта, которую охраняли два дум-бота. При виде своей госпожи машины расступились в стороны, пропуская её и гостей внутрь.

— Прошу, — как подобает хозяйке, жестом руки Виктория указала гостям пройти внутрь. Когда последний вампир зашел в просторный лифт, Дум последовала за ним, став спиной к упырям.

Один из вампиров, высокий крепкий мужчина лет тридцати, жадно облизнулся, оказавшись так близко к Виктории и её обнаженной шее. Невольно он попытался наклониться к ней, приоткрыв рот, но тут же остановился, когда Себас толкнул его в плечо, тем самым спасая ему и остальным не особо сильным товарищам жизнь. Мужчина встретил взгляд, который так и говорил: «Даже не смей!».

И лифт начал плавно опускаться.

Пока лифт опускался до нужного этажа, внутри него царила напряженная тишина. Вампиры чувствовали себя неудобно, находясь так близко рядом с Дум. Переглядывались между собой и шептались. А сама владычица Латверии держалась уверенно, и изредка оглядываясь, смотрела на гостей холодным взглядом. Но с каждым пройденным этажом все отчетливей слышался

строительный шум.

Все изменилось, как только механизм лифта плавно остановился на нужном этаже и дверки раскрылись. Быстрым, решительным шагом Дум направилась в технический зал, освещенный темно-зеленым светом, откуда и доносится шум. Следуя за ней, вампиры обнаружили, что перед ними открылась настоящая конвейерная линия, штампуемая сотни, если не тысячи думботов. Бесчисленное количество сборочных машин растянулись вдоль огромного комплекса, собирая величественную армию. Готовые боевые роботы сами покидали станок, вставая в плотные ряды растущего войска. Даже самые смелые дети Кхтона не решились посчитать, сколько уже думботов было произведено и ждет команды.

За всем этим процессом пристально наблюдало несколько фигур. Одна из них была закована в утонченную броню, что напоминала гибрид рыцарского доспеха и футуристической брони, с символикой Латверии на плечах и двуглавым орлом на груди. Другой воин обернулся к Виктории, показывая гостям свой шлем, в центре которого находился один крупный глаз, светящийся зеленым цветом. В руках он держал продвинутую импульсную винтовку.

— Вы спрашивали, что стало с вашими знакомыми и друзьями, что были в Трансильвании?  
— Виктория подошла к воину и положила руку на его плечо. — Вот ответ, который вы так желали узнать. Теперь они служат мне.

Секундная пауза — ровно столько потребовалось вампирам для того, чтобы осознать, что именно происходит.

Момент истины между «до» и «после».

Медленно напирющий ужас — и последующий удар, пробивающий плотину сдержанности, превращая напыщенных вампиров в кого угодно, но не чувствующих себя уверенно и властно графов и графинь.

Суженные глаза Яны вспыхнули алым спустя миг, и она шагнула вперед; брови её спутницы взметнулись ввысь, а затем, сойдясь на переносице снова, довершили её искажающееся выражение лица.

— ДУМ! — теперь из уст Анны это звучало даже не в половину столь мирно, сколь раньше, куда больше смахивая на проклятие адских бездн, — ОБЪЯСНИСЬ!.

Цепеш замерла напротив Виктории, игнорируя подругу.

Слишком далеко для того, чтобы обычный человек мог достать противника с одного удара.

Слишком близко для стрельбы и магии.

Только они обе знали, кем являются их противники.

— Я надеюсь, у тебя есть продолжение. Скажи, что они добровольно присягнули тебе на верность, — голос правительницы ночного народа был холоден, как у ледяного великана, — иначе я сочту, что реакция Анны... не отображает и части тех чувств, что должна.

— Глупые, наивные девчонки, — и в то же мгновение Викторию охватило зеленое колдовское пламя. Столь яркое и мощное, что Анне и Яне пришлось зажмурить глаза, дабы не ослепнуть, как и всем вампирам.



Когда свет поугас, гости узрели госпожу Латверии в своем привычном репертуаре, закованную в грозную броню. Доспех буквально пылал пугающей энергией.

Дум щелкнула пальцем, и шлем с помощью телекинеза был снят с её слуги-вампириши, открывая вид её лицо. Яна сразу поняла, кто это. Несколько раз она видела эту даму — одна из придворных её отца.

Но с их последней встречи девушка изменилась. С кожи исчезла болезненная белизна, появился легкий румянец. Исчезли все признаки нежити и скверны Кхтона. Однако взгляд у неё был стеклянный, будто она не живой человек, а робот.

— Двадцать тысяч вампиров населяли Трансильванию, когда я захватила её. Теперь все они служат мне как верные солдаты моего войска, что поведут людей в новую эру. И в отличие от вас они по-настоящему живые.

Дум слегка топнула, и возле вампиров из зеленых вспышек появилось два десятка думботов, взявших кровососов в плотное кольцо.

— Ж-живые?.. — голос Себаса дрогнул, и тот уставился на Викторию, — Как?..

— Лучше скажи, какого... Гребаного демона... ТЫ ТВОРИШЬ, ДУМ?! — Анна взревела, обрывая как слова старика, так и мешая высказаться Яне, уставившейся на всё это с широко распахнутыми глазами, — ВЕРНИ ИМ ИХ РАЗУМ, ЭТО НЕ ТВОЙ НАРОД!..

Аура вампириши вспыхнула, как тёмное солнце, являя её мощь миру и уничтожая всё на своем пути. А также кое-что проясняя.

Если ранее клан Карнштайн был малоизвестным в делах по обе стороны маскарада, что разделял сверхсилы и магию, то нынче его наследница наконец перестала сдерживаться, показывая, почему она так свободно вела себя в этом обществе и почему Яна чувствовала себя увереннее, позволяя Анне говорить то, что та хотела.

Перед Викторией разверзлась чудовищная Додревняя Тьма, глядящая на правительницу сквозь разноцветные яростные глаза маленькой вампириши. И казалось, что нечто голодное и хищное, чудовищно опасное, находящееся в глубинах по ту сторону этой Тьмы, обратило внимание на происходящее тут.

— You have one last chance, Doom, — Анна использовала английский вместо латверийского в этот момент, словно бы дополнительно пытаясь подчеркнуть разницу между собой и Викторией. — Освободи их и дай им свободу выбора.

Это больше не звучало как пустые угрозы.

Цепеш лишь молча следила за происходящим, пока её мысли разрывались от гнева на содеянное Дум и от того, что Анна пересекла черту и теперь нельзя надеяться на мирное решение проблемы.

Вместо того, чтобы атаковать, создать какое-то магическое заклятие или дать отмашку думботам, Виктория поступила совершенно иначе. Она заговорила. И лица всех вампиров без исключения наполнились страхом. Первобытным ужасом перед чем-то столь пугающим и отвратительным, что его нельзя описать словами.

— Не мертв, кого навек объяла тьма.

В пучине лет умрет и смерть сама.

Когда настанет судный час,

дитя ночи ответит перед мастером своим.

То, что сделала сейчас Виктория — высшая степень богохульства и познания темных искусств для любого уважающего себя мага Земли. Воспроизвести слова из Даркхолда на языке потерянных и проклятых могут считанные единицы. Любой, кто попытается это сделать, напрямую вызывает к Кхтону, Темному Повелителю, Демону Ночи и Владыке Тьмы. Неподготовленный глупец рискует впустить в свой разум древнего бога, стать его сосудом. Но если воля заклинателя сильна, как у Виктории, то он может воспользоваться этими знаниями. Пока не берёт на себя слишком многое, естественно.

Милая девушка, что мгновение назад парила над землёй, окутанная древней мощью, упала замертво. Она умерла без боли: закрыла глаза и повалилась на пол, чтобы затем её тело охватило золотое пламя, пожравшее вампиршу за мгновение. Теперь её душа находилась во власти Кхтона. Самая худшая участь для любого кровососа. Ведь это вечные страдания в хватке проклятого бога.

Наследница Цепеша, упав на колени, лишь тихо наблюдала, как тело её давней подруги рассыпается в прах вместе со всеми надеждами, мечтами и мыслями.

Она случайно вспомнила, как Анна пришла к ней совсем недавно — тогда, когда почти никто не верил в неё, Анна ван Карнштайн, Тёмная Принцесса Багровой Луны, протянула ей руку помощи и оказала доверие.

«С твоей силой», — девочка улыбнулась, — «И моими ресурсами... Мы наконец покончим со всей этой кутерьмой, объединимся по-настоящему, усилим друг друга, и, быть может, когда-нибудь... Перестанем быть паразитами?..»

Она уверяла, что у неё есть планы. Есть солдаты. Есть ресурсы.

Она связала Яну с той странной, взбалмошной колдуньей из клана Шварцлихт, и она же привела клан Себаса, побочную ветвь своего, всегда служившую ей, под знамёна самой Яны, что могла править уже как минимум одной из трёх Великих Семей и её побочными родами, и, следовательно, становилась силой, с которой уже нельзя было не считаться. В конце концов, прожив более трёх сотен лет, Анна видела слишком многое и была знакома с огромным количеством людей — и всегда менялась под новые времена, оставаясь верной себе.

Изменять плохое, оставляя хорошее — это было чертой вампира, которую многим людям следовало бы перенять.

\*\*\*

Из воспоминаний Яны

— Я всегда была горда своим происхождением, — Анна поставила чашку на стол и улыбнулась, позволяя алому чаю остаться на уголке её губ. — Я родилась вампиром. Мой отец был рождён вампиром. Мой дед, мой прадед, даже мои давние предки — все они были рождены детьми ночи.

Она чуть помрачнела, устремляя взор вдаль.

—...Ты не представляешь, каково это — слышать о том, что это лишь проклятие Кхтона, — она никогда не боялась говорить то, что заставляло вздрагивать сотни и тысячи более могучих существ, например, звать по имени Того, Кого Нельзя Было Упомянуть, бога теней и крови. — Почему только люди всё время могут делать это?

Анна моргнула, не видя странного взгляда Яны.

— Делать... что? — Цепеш решилась.

Её подруга, дрогнув, повернулась к ней лицом.

— Отрицать возможность стать кем-то другим. Чем-то другим... — она покачала головой, — Ради того, чтобы сохранить себя. Чтобы сохранить свою человечность.

\*\*\*

Воспоминание мигом пронеслось перед глазами и исчезло в тёплом, белом свете.

Анна просто пыталась сделать что-то правильное и новое.

Блейд. Ганнибал Кинг. Возможно, Морбиус.

Все они получили её письмо о том, что вампиры хотят делать дальше, и спрашивали, что эти люди — и нелюди — планируют.

Яна ждала их ответов.

Та колдунья из немецкого клана говорила, что у неё есть выход даже на нескольких супергероев, включая очень необычные кандидатуры, что могли бы очень многое изменить.

Яна ждала их решений.

Но...

Теперь...

В чём смысл?

Цепеш медленно подняла взор на Дум.

На нем не было ярости.

Не было боли.

Не было страданий или гнева.

Не было интереса.

Не было...

Ничего.

Яна смотрела на Викторию пустыми глазами и видела на её месте лишь Пустоту.

—...Зачем? — её голос, сорвавшись, сумел просипеть лишь это.

А затем вампиры сорвались, крича кто от ярости, кто от ужаса, потрясая кулаками и абсолютно меняясь: от недавних вальяжных, властных Правителей Ночи не осталось и следа, были лишь сверххищники, которые были готовы умереть, но не попасть в руки Владыки Ужаса и разорвать Дум на части, стоило ей сделать ещё хотя бы одну вещь, что могла бы сместить их весы с ужаса и страха на гнев и ярость.

Только Себас рухнул на колени, придерживаемый с двух сторон соклановцами, и, положив руки на прах девочки, чью жизнь он видел от начала и до конца, сгрёб его в руки дрожащими пальцами, поднимая его к лицу и глядя, как он сыпется вниз.

Постаревший внешне на десятки лет мужчина, дрогнув, прижал ладони к своему лицу, чувствуя, как из его давно не знавших боли и страданий глаз пробиваются слёзы.

— Какая жалость, — Дум аккуратно сделала шаг в сторону. — Даже находясь в агонии, больной будет сопротивляться до конца, не видя возможности излечиться и избавиться от проклятия Кхтона. Что ж, позвольте мне облегчить ваши страдания.

— Стоять, — Яна вздохнула. — Знаешь что, Дум?

Её глаза были тусклы и мертвы.

— Ты убила того, кто по факту помог мне со всем этим.

Кривая улыбка растянулась на её лице.

— Анна всегда говорила странные вещи, — Цепеш сжала кулаки. — Она говорила, что горда быть вампиром точно так же, как человек горд быть человеком. Ведь часто люди отказываются от становления кем-то вроде нас только для того, чтобы оставаться «людьми».

Правительница вампиров смотрела в глаза правительнице людей.

— Она говорила, что у неё — у нас — должна быть гордость, — её алые глаза сузились. — И это не гордость высшей расы, что так любима очень многими, не только лишь вампирами, это обычная гордость разумного, чувствующего существа, которое не приемлет жизнь в рабстве, предпочитая свободу и смерть кандалам или тёплой собачьей конуре.

Аура вокруг Яны начала уплотняться, когда её лицо наконец исказилось:

— Скажи, ты сама-то хоть знаешь, каково это — отстаивать свою несовершенную форму и природу, когда она явно ущербна, но ты горд и рад тому, что ты — это ты, и ты готов быть собой до самого конца?!

Она рванула на Дум первой из многих в очевидно самоубийственной атаке, готовая отдать свою жизнь и душу самому Владыке Тьмы, возможно, просто так — не ради чего-либо.

— Хэй, Яна? — знакомый голосок оторвал её от чтения; ей что-то сунули под нос —мягкое пирожное!

— Держи! — Анна абсолютно искренне улыбнулась, совсем не как древний кровосос, а как простая девочка. — Я пыталась повторить человеческий рецепт!..»

Из глаз правительницы брызнули слёзы.

\*\*\*

— Нами правят чертовы фашисты, коррупционеры и алчные торгаши! Не за этих людей мы с вами отдавали голоса, чтобы они нагло нам ввали, разоряя нашу страну! — столь мощные, переполненные праведным гневом слова принадлежали высокой, статной девушке. Судя по её одежде, она была офицером полиции. Точнее сказать, раньше им была, так как минутой ранее сорвала с формы жетон и выбросила фуражку, распустив длинные черные волосы. Взобравшись на припаркованную машину класса люкс, она прислонила к губам громкоговоритель, чтобы каждый мог слышать её послание.

Перед ней расположилась внушительная толпа таких же недовольных людей, что заполонила длинную улицу. Разношёрстная человеческая масса, будь это бедняки или обеспеченные люди, присоединились к народному волнению. Большинство из них были безоружны, лишь некоторые вооружились палками и жестяными крышками от мусорных баков. Многочисленные самодельные плакаты возвышались над людской массой — среди них трудно найти те, где не написали грубого слова.

А на другой стороне улицы, сомкнув ряды, расположились стройные ряды полицейских в тяжелой броне. Их и толпу протестующих разделяла импровизированная баррикада, созданная наспех сотрудниками правопорядка. Некоторые из них нервно сжимали гранатометы со слезоточивым газом. Рев сирен полицейских машин, громохание лопастей вертолетов и крики командующих офицеров не смолкали ни на минуту. Сейчас они были всем, что отделяло Белый Дом от наплыва разгневанных граждан.

И в это мгновение, как никогда, общество нуждается в герое. В том, кто сможет вразумить и успокоить людей.

Часовая наблюдала за всем с высоты птичьего полета. Её лицо было омрачено и переполнено скорбью.

— Какое жалкое зрелище, — рядом с защитницей справедливости материализовалась черная, сотканная из мрака женская фигура с двумя острыми, абсолютно белыми разрезами под глаза и парой клыкастых ртов, открывавших путь в пустоту. При этом голос у существа представлял оба начала — мужское и женское, что сливались воедино, образуя нечто ужасающее.

— Никчёмным людишкам показали толику правды, и они собираются лезть на амбразуру. Ха-ха-ха!

— Ты не права, — Часовая не обращала внимание на порождение Забвения. — Тебя вообще не существует.

— Ложь... и ложь, — Пустота издала нечто, отдаленно напоминающее смешок. Но Часовая испытала прикосновение чего-то холодного, древнего и могущественного, отчего её нутро сжалось, а в горле будто застрял ком. — Бегство от правды... Как низко с твоей стороны. Человек, что всегда решительно смотрит вперед, боится взглянуть на меня.

Руби сделала тяжелый вдох и зажмурила глаза. Она чувствовала, как этот паразит постепенно одерживает верх в неравной борьбе. Темная сущность одолевает её, и теперь это лишь вопрос времени, когда она окончательно вырвется на свободу.

— Мое время скоро придет, — Пустота предстала перед Часовой, изменив свою фигуру и став похожей на мужчину. — Тебе некуда бежать, негде прятаться. Жалкие божки и так называемые герои тебя не спасут. Ничто тебе не поможет. Твои страдания тщетны. Ты пытаешься противостоять неизбежному, только продлевая свою агонию.

— Заткнись! — девушка собрала все свои ментальные силы в кулак и ударила по темной

сущности. Результат ожидаем: изображение Пустоты поплыло рябью, но не исчезло.

— Да-а-а, — протянул монстр. — Сопровитляйся, жалкая девочка. Трать свои силы и теряй контроль над телом. Забавляй меня.

— Прочь из моей головы!

На этот раз силы хватило, чтобы полностью расщепить фигуру Пустоты. Но присутствие этой сущности никуда не делось.

Твои сопротивления тщетны.

Твоя агония бессмысленна.

Ты сражаешь против себя в глупой надежде отсрочить неизбежное.

Но в глубине души ты понимаешь, насколько людской род недостоин существования.

И когда мое время придет, я избавлю тебя от страданий.

От страданий жизни.

Впусти Забвение в свою душу.

И, как назло, в этот самый момент толпа протестующих достигла накала и сорвалась с места. Часовая с великой грустью наблюдала, как полицейские с особой жестокостью подавляли восстание.

В этот самый момент она почувствовала себя абсолютно бессильной женщиной.

\*\*\*

— ...приём, Радуга? — наушник зашипел, вырывая девушку из мыслей. — Радуга!

Она моргнула несколько раз и решительно нахмурилась.

— Это Рейнбоу, как слышите? — ответив на сигнал, она услышала сразу несколько тихих облегчённых вздохов на фоне. — Где-то нужна моя помощь?

— Где ты была?! Мы не могли связаться с отрядом подавления, и ты не была доступна около часа, — человек по ту сторону явно нервничал. — Гиперион запрашивает поддержку!

— Я поняла. Предоставьте это мне, — девушка тяжело вздохнула и прервала связь.

Она не нуждалась в том, чтобы ей говорили, где находится Гиперион. Она могла понять это и так. Как именно?

Радуга не знала и сама.

А затем героиня, поправив юбку зеленого платица и перевязав мягкий синий платочек на шее, сделала небольшой, аккуратный шажок с края крыши и полетела вниз с весёлым визгом, только почти у земли взмыв воздух. Она быстро-быстро полетела вперёд по извилистым, полным людей улицам, оставляя за собой радужный дым, что заставлял людей поднимать удивленные взгляды в небо.

Радуги всё ещё сияли над этим миром.

Даже если он был в огне людской ярости и гнева.

Радуга неслась с такой скоростью, что пролетала целые районы за секунды. В какой-то момент, едва не врезавшись в фонарный столб, она остановилась, зависнув в воздухе рядом с огромным светодиодным экраном, на котором транслировался эфир новостей.

Ведущая, молодая, но очень уставшая женщина, — видимо, последствия столь нервной в последнее время работы не могли скрыть даже гримёры — зачитывала последние сводки новостей из Нью-Йорка. Кажется, трансляцию вели «Дейли Бьюгл»... Когда это они умудрились превратиться из обычной газеты в телеканал такого масштаба?..

Весь эфир слова ведущей сопровождалось любительскими и профессиональными кадрами различных погромов и столкновений, произошедших за последние дни. Сейчас шел репортаж был о том, что Гиперион, сотрудничая с героями-одиночками и Верховным Эскадроном, разнесла мегакорпорацию, создавшую и покрывавшую команду Патриота, от низов до самой верхушки, просто вломившись к Совету директоров и уничтожив организацию.

Несмотря на то, как была далека от этого сама Радуга, она всё понимала, и у неё снова выступили слёзы на глазах. В конце концов, Патриот и его компания были известными личностями — примерами, кумирами, за краткое время ставшими столь же популярными и любимыми, как и Мстители, Эскадрон или Фантастическая Четвёрка.

Кто мог знать, что такое случится с ними?..

Она всхлипнула, вспомнив то нечеловеческое выражение лица Гиперион в тот день, когда она и тот суровый мужик ворвались внутрь первыми. Ведь тогда она, Радуга, была рядом с ними. И впервые за долгое время девочка позволила себе быть... Другой, тёмной Радугой.

Задрожав, героиня, спрятав личико, снова ускорила, теперь двигаясь даже быстрее. Очень скоро она приблизилась к месту, где чувствовала присутствие своей подруги.

Она приземлилась перед Мэри в фирменной супергеройской позе, подсмотренной у Старк и Руби.

— Хай-хоу! — Радуга силилась улыбаться, как и всегда, вопреки блестящему от слез личику.  
— Меня звали?

Гиперион посмотрела на неё немигающим взглядом.

— ...Привет, Радуга, — женщина наконец пришла в себя и, дружелюбно улыбаясь, подошла к девочке, чтобы погладить её по пушистым волосам. От её прикосновений Радуга захихикала.  
— Ты пришла?..

— Помочь Вам, мисс Гиперион! — Радуга искренне улыбнулась в ответ, окончательно отойдя от прежних переживаний. — Я чувствовала, что Вы здесь!

Мэри подозрительно изогнула бровь, и девочка, чуть стушевавшись, отвела поникший взор.

— И... Ц-центр сказал, что у Вас п-проблемы... И они не могли с-связаться ни с кем...

— Ясно, — глубоко вздохнув, Гиперион присела рядом с подругой. — Послушай, Радуга... Я

всегда рада твоей помощи...

— Что-то не так, м-мисс Гиперион?..

— Всё не так, сестрёнка, — она сказала это так тихо, что Радуга даже не заметила этого пропавшего, казалось бы, навсегда обращения к ней. — Тут слишком много проблем для прелести вроде тебя...

— Но как же так? — девочка перебила Гиперион. — Я же... Я могу помочь! Я хочу помочь! Я знаю, как помочь!..

— И как же?

Прямой вопрос и прямой взгляд.

Девочка потерянно оглянулась. Окружающие старались не смотреть на двух подруг, но всё-таки у окружающих людей проскальзывали усталые, раздраженные или даже сочувствующие взгляды, направленные на них.

— Я придумую!..

Она проиграла этот раунд, и она это знала.

Она пришла, чтобы помочь, тогда как ей пытались помочь тем, что отсылали её прочь.

Но почему?

Она могла быть полезной!

Почему они не могут позволить ей?..

Почему они... Защищают её, а не людей?

Что может быть хуже, чем-то, что уже творится и о чём она уже знает? От чего они хотят её уберечь? От ужасов войны?..

Она прослезилась, вспоминая Войну.

Она была там.

Она теряла друзей и родных.

Она позволяла себе то, чего не должна была.

Может быть, по всем этим причинам ей не позволили вмешаться?

\*\*\*

Вечером Радуга сидела на крыше небоскрёба и смотрела вниз, на город, полный огня и злобы. Мир пылал, пока радуги сверкали над ним.

Она распрощалась с грустной Гиперион, что экстренно отправилась в Супрем-сити, на главную базу Эскадрона. Поэтому не было ничего удивительного в том, что, оставшись наконец в одиночестве, Радуга пришла сюда. В голове маленькой леди начали всплывать события



последних дней и лет, которые заставляли её от ужаса произошедшего сжимать зубы и закрывать ладошками слезящиеся глаза.

Тогда, пару часов назад, толпа людей, среди которых были как бывшие полицейские и военные, так и сменившие лагерь герои и злодеи, ворвалась на площадь. Ведома она была несколькими людьми: седым, умудрённым жизнью детективом, который до недавнего момента думал, что прознал всю истинную сущность этого мира, но понял, что он не знал и половины; молоденькой девушкой, вероятно ещё школьницей или студенткой, чьё лицо было покрыто свежими ранами, частично закрытыми бинтами и пластырями разной свежести, а глаза выражали гнев и мрачную решимость; каким-то героем из второго-третьего эшелона, который в знак солидарности многим именитым личностям сменил свой яркий и отчасти придурочный, клоунский костюм на стильный, мрачный и немного пугающий чёрный.

Они были готовы встретить сопротивление полиции и имели решимость бороться с ней как с защитниками уродов и мразей из верхушки правительства. Вместо этого они увидели, как напротив них на землю плавно опускался один из немногих оставшихся незапятнанных героев этой планеты.

Это была Гиперион. А затем она заговорила.

Она говорила долго и проникновенно. Рассказывала о том, каким было её детство, когда она не понимала, кто она и кем была; как впервые применила свои силы, чтобы помочь другу и как её ругали приёмные родители; как она тайно была героем годами в своей маленькой, но уютной деревеньке в Канзасе, и впервые вышла в свет.

Она сказала, что отец часто рассказывал ей о Захватчиках и Легионе Свободы, о Ви-батальоне, Двенадцати, Золотом Агентстве и Ревущих Коммандос — героях времён Второй Мировой Войны, о которых ему рассказывали уже его отец и дед, ставивших своей целью и обязанностью помогать простым людям, даже когда мир вокруг со всей своей цивилизацией нёсся к полному своему уничтожению.

«Когда ты будешь готов явить миру себя, мир будет готов тебя принять», — так она сказала.

Она говорила о том, что, несмотря на то, какие люди разные и как тяжело быть понимающими и сочувствующими друг другу, этому нужно научиться.

О том, что как бы плохо и отвратительно не было всё то, что они узнали, это не было поводом для того, чтобы вести свою страну и весь мир следом к уничтожению.

О том, что в сей тёмный час, когда в мире так много злобы и боли, и он и эта планета как никогда более нуждались в героизме каждого из её обитателей: героизме не «пафосном и понтовом», как она это обозвала, а в настоящем. В готовности стоять насмерть ради друг друга, ради жизни и счастья, и вести в светлое будущее общество своими действиями, какими бы малозначимыми они не казались.

И ещё, ещё очень многое подобное.

И, в конце концов, лидеры этой толпы потеряли решимость.

Они оглядывались, с ужасом смотрели друг на друга, на повреждённые столкновениями улицы, на взбешенных людей... Наконец печаль и вина настигли их, когда они осознали, что всё это время лишь приводили одних простых людей драться против других, только усугубляя ситуацию и практически бездействуя против тех, кто действительно был виновен.

Обе стороны опустили оружие. Обе стороны раскаялись и пролили слезы, и Радуга плакала вместе с ними. Она сидела на крыше, смотря на заходящее солнце, и позволяла себе плакать от ощущения своей бесполезности в этот миг, когда миру нужны были радуги, а не пожары.

— Привет, Рейнби, — чуть тихий, грустный голос, раздавшийся за спиной, выбил Радугу из мира собственных мыслей.

Звуки портала, из которого неожиданно появилась женщина, Радуга не услышала, глубоко задумавшись, а теперь бросилась навстречу к ней.

— Мария! — Радуга тихо заурчала, чувствуя одновременно грусть и радость от встречи с подругой. — Как ты?! Я давно не слышала от тебя вестей. Милая, что...

Она замерла, глядя в лицо Марии.

— Что?.. — она чуть отошла. — Что происходит?

Она вспомнила, почему не смогла сразу понять этот голос: всё было просто, надо было лишь увидеть это лицо.

Мария фон Шварцлихт никогда не была такой печальной. Вернее, Радуга никогда не видела в её глазах столько боли и сожаления.

— Что случилось, Мария? — более настойчиво спросила Радуга.

Её сердце, казалось, было готово разорваться, когда её подруга втянула её в портал, ведущий в просторный и темный зал, в котором Радуга ощущала присутствие других живых существ... И не совсем живых.

А потом на крыше вспыхнул свет, лучом устремившийся в небеса на краткий миг — и всё пропало, будто бы ничего и не было.

<http://tl.rulate.ru/book/67750/1798543>